

КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ

16 мая 1944 года,

вторник

№ 16

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
КРАСНОФЛОТСКОЙ ГАЗЕТЫ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

ФРИЦАМ НЕ ХОДИТЬ ПО МОРЮ

Корабли и авиация Черноморского флота потопили у берегов Румынии два транспорта общим водоизмещением в 5.000 тонн, три быстроходные десантные баржи и четыре катера противника.

Мы знаем дорогу в базы врага. И мы идем туда—добывать раненого немецкого зверя

Флот сделал еще одно важное дело. Наши корабли и наша авиация, едва закончив операции по разгрому севастопольской группировки противника, обрушили на врага сокрушительные удары в открытом море, в непосредственной близости от вражеских баз.

Флот наш ни на минуту не забывает приказа великого Сталина. Вождь поставил задачу: «... преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге».

Флот по-боевому взялся за ее выполнение. И вот первые отрядные итоги. Моряки и летчики Черноморского флота потопили у берегов Румынии два неприятельских транспорта, три быстроходные десантные баржи и четыре катера.

Это первый вклад в тот большой боевой счет, который черноморцы предъявят фашистской Германии за ее неслыханные преступления перед народами нашей Родины.

Это начало того большого дела, за которое взялись черноморцы — разгромить вражескую банду в ее кровавом логове.

Освобождение Севастополя — одно из самых замечательных событий этой войны. Весть эта окрылила моряков, вдохнула в них живительные силы, дала им

новое оружие, подняла их на новые боевые дела и подвиги.

И моряки не застопорят моторов, не наденут чехлы на пушки, не подумают об отдыхе пока враг не сложил оружия, пока раненый немецкий зверь не добит окончательно.

Без перерыва, ночью и днем, в дождь и туманы, в штиль и в штормы будут искать врага и топить его, поганого, в море боевые орлы Черноморского флота.

Мы ведь знаем дорогу в Румынию. Скрипачей и сейчас еще бросает в жар и в холод от наших ударов по Констанце, по Плоешти, по морским коммуникациям противника.

Знают дорогу и моряки, и летчики. И будут ходить по этой дороге, сеять смерть в логове врага, нещадно, день ото дня сильней бить гитлеровских собак, стирать в порошок, сжигать огнем наших снарядов, поднимать в воздух нашими добротными торпедами.

Горячий привет, вам, дорогие орлы, чьими руками потоплены у румынских берегов корабли противника. Севастополь радуется вашей победе. Освобожденная морская столица от души приветствует вас, славные сыны Нахимова и Ушакова.

Новых побед, новых подвигов!

У ХЕРСОНЕСА

Это был последний смертный рубеж для немцев. Они стекались сюда со всех сторон, чтобы оттянуть час своей гибели,

Фрицы надеялись — авось подойдет к берегу быстроходная «Лола» и увезет их подальше от этого ада.

Дорогу из Севастополя к Херсонесу можно было легко отыскать, ориентируясь по кровавым отпечаткам на изрытой воронками земле.

На рубежах нашей обороны 1941—42 гг. немцы остановились.

Здесь родилась, здесь же была проклята ими надежда на спасение.

Впереди русские, сзади чужое, всепоглощающее море. Выхода не было. Враг решил сопротивляться. Тогда он еще на что-то надеялся.

Но море вокруг бороздили торпедные катера, воздух охраняли самолеты, а немецкие моряки, изведав удовольствие быть битыми, и не думали рисковать. Оставалось одно — готовиться отбивать штурм русских войск.

И вот началось.

Заговорила артиллерия. Казалось, что небо упало на землю. Земля вздрогнула. И немцы побежали.

У берега было глубоко. Волны рокотали зловеще. Немцы в ужасе жались к берегу. Все кричало вокруг, все горело вокруг. Поле боя было усеяно телами врагов. За камнями и на дорогах корчились раненые. А навстречу нашим бойцам, идущим вперед, бежали уцелевшие немцы и румыны, неся в руках вместо оружия белые платки. Они сдавались, молили о пощаде. Не обращая на них внимания, наши солдаты и морские пехотин-

цы шли вперед к Херсонесскому маяку, к горящей барже, где в траншеях сидело офицерье, особенно злое и упорное. Они еще отстреливались.

Узел сопротивления был сломлен.

В минутное, столь необычное здесь затишье, головные отряды услышали пистолетные выстрелы. До баржи оставались считанные метры. И вот, влево от нее кто-то заметил широкий, обнесенный камнями ров. Во рву, с парабеллумами в руках в разных позах сидели мертвые гитлеровцы. Один из них держал в безжизненных окостеневших руках порванный портрет Гитлера.

Везде — в блиндажах и в машинах, в люке поломанной бетономешалки, в спасательных шлюпках, пригнанных ветром к берегу, под крупами лошадей и на берегу, с вытянутыми к морю руками — всюду валялись эти «герои крымской кампании».

Они пришли сюда в сорочке втором убивать и грабить. Они убивали и грабили. Теперь убийцы и мародеры получили все, что им полагалось. Три аршина земли и осиновый кол на могилу. Больше ничего. Ничего.

Пусть же теперь видевшие весь ужас своего разгрома фашисты убирают гнилые останки своих соотечественников.

Мы очистим севастопольскую землю от фашистской падали, мы сделаем этот уголок крымской земли памятником разгрома гитлеровских захватчиков, памятником нашей славы.

Младший лейтенант
Г. Поженя

МОРЯКИ-САПЕРЫ ПЕРВЫМИ ВОШЛИ В СЕВАСТОПОЛЬ

Моряки-саперы старшего лейтенанта Владимира Стовба известны всем черноморцам. Трудный и суровый путь прошли они. Новоросийск, Анапа, переправа, Керчь, Феодосия, Ялта — места, где они первыми, под огнем противника шли по минированным участкам портов, обследовали бухты, корабли, извлекали мины, строили причалы.

Саперы Стовба вместе с частями 4-го Украинского фронта первыми из черноморцев ворвалось и в Севастополь. Пришли на Графскую пристань. Владимир Стовба взглянул на арку и вспомнил: в мирное время над ней реял красный флаг. Ему хотелось сейчас первому водрузить знамя над бухтой, но флага у саперов не было.

— Ребята! — крикнул Стовба саперам, — поднимем «морскую душу» над нашей родимой бухтой.

Гвардии старшина 2 статьи Кессо быстро снял с себя тельник, а краснофлотец Рублев — бескозырку.

Через несколько минут на арке, прикрепленные к импровизированному штоку, реяли тельник и бескозырка — символ отваги и мужества моряков.

Теплый ветер развеивал ленту с золотыми якорями, а рядом на водной станции боевые друзья саперов — моряки-куниковцы водрузили на вышке военно-морской флаг.

Саперы не задерживались. Они осматривали водную станцию, уцелевшие здания у пристани, причалы.

Вот уже четвертый день саперы работают в базе. Они предотвратили несколько взрывов, навели порядок в зданиях и на причалах.

Работают быстро, не считаясь с силами и временем.

Старшина 1 статьи

А. Красовский

ВСЕМИ СИЛАМИ ПОМОГАТЬ ДЕЛУ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Корреспондент специального выпуска «Красного черноморца» беседовал с директором Н-ского предприятия. Директор рассказал:

— Наше предприятие гитлеровские захватчики разрушили до основания. Частично сохранился лишь один из цехов.

Как только город вздохнул свободно, на предприятие стали сходить рабочие. Все, как один, просили дать им возможность участвовать в восстановлении своих цехов и станков.

Сейчас несколько бригад уже приступили к работе. Цеха очищаются от мусора и металлического лома, приводятся в порядок и налаживаются механизмы.

Уже расчищены основные магистрали. Налажено путевое хозяйство. Успешно идет сбор имущества и оборудования. Восстанавливается электрохозяйство. Т. Кузьмин и Борисов энергично, по-деловому руково-

дят работами, возглавляют бригады.

Много внимания уделено удовлетворению бытовых нужд рабочих и служащих. Организован хлебный ларек. Заканчивается организация и оборудование столовой. Для приезжих и для рабочих, которые лишились жилья, на предприятии открыто общежитие.

Состоялся митинг рабочих и служащих предприятия, посвященный освобождению Крыма и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков.

Выступавшие на митинге горячо приветствовали героическую Красную Армию и моряков Черноморского флота, желали им новых успехов и побед и обещали Родине и товарищу Сталину работать не покладая рук, всеми силами помогать делу нашей окончательной победы над гитлеровскими захватчиками.

ПО РОДНОМУ ГОРОДУ

Знакомые, родные места. Милые сердцу уголки. Здесь мы несли боевую вахту, отдыхали...

Графская пристань. Как здесь было людно вечерами в выходные дни. Подходили катера с «Красного Кавказа», барказы с линкора, с миноносцев. Матросы выходили на пристань. Блестели надраенные бляхи. Шумом наполнялся воздух. Живой поток голубых воротников устремлялся вверх по широкой лестнице на площадь. А там их ждало веселье, музыка, спектакли, танцы. Так было...

Не узнать этого шумного уголка. Разбит причал. Все завалено камнями и землей. По краям трана две огромных заполненных водой воронки. Камней и мусора так много, что с трудом удается разглядеть ступеньки. На клочке уцеле-

шего причала валяются ящики со снарядами, минами. Рядом лежит простреленная немецкая каска.

Неподалеку стоял морской вокзал. От него остались стены да куча щебня. Причал, к которому некогда приставали теплоходы, представляет из себя сплошное месиво из досок и разбитых свай.

Водная станция. Кому из нас, моряков, незнакомо это место? Когда наступало севастопольское знойное лето — мы приходили сюда купаться, полежать на горячем берегу, прокатиться по сверкающей бухте на байдарке. За несколько дней до начала войны здесь проходило соревнование физкультурников флота. Людей было так много, что нельзя было найти свободного места.

Страшно выглядит водная станция после нашест-

вия немцев.

Пляж во многих местах разворочен. Навалено столько хлама, что пройти невозможно. Тут и разбитый пополам немецкий катер, и обломки шлюпок, и груды лома. Вышки нет и в помине. Здание водной станции побито, но сравнительно уцелело. В нем жили фрицы. Сейчас на вершине станции развеивается наш военно-морской флаг.

С северной стороны станции у бонов стоят сожженные, полузатопленные вражеские пароходы «Кунтхер» и «Бессарабия». В стороне, у основания Памятника погибшим кораблям, чернеет третья сожженная немецкая посудина. На берегу — маленький плотик, состоящий из четырех бочек, поверх которых укреплены две-три доски и кусок фанеры. На этом «глиссере» один из фрицев пытался улизнуть из Севастополя. Но ему помешали наши снаряды, и он,

бросив свой «транспорт» побежал к Херсонесскому маяку, а там «отдал боженке душу» от нашей пули.

Много тяжелых ран нанесли немцы нашему родному городу. Они вырубili деревья Приморского бульвара, обнесли его колючей проволокой и пасли там лошадей.

Немцы подло надругались над всем, что было дорого нашему сердцу.

Пройдут годы. Сгниют трупы немецких псов, посягнувших на нашу родную землю, на наш родной Севастополь.

Возродится наша флотская столица. И вновь голубыми воротниками заполнится Графская пристань. Заиграет оркестр, а по фарватеру севастопольской бухты пойдут в дозор корабли — ветераны Великой Отечественной войны.

Старшина 1 статьи

Н. Малиновский.

Катерники в боях
за Севастополь

Атакуют экипажи Кочиева

Винты медленно рубили волну. До берега оставалось не больше десяти кабельтовых. Капитан-лейтенант Константин Кочиев приказал катерам заглушить моторы и лечь в дрейф, а сам пристально вглядывался в далекие очертания берега.

Там полыхало зарево пожаров. Гулко рвались снаряды. В небе текли разноцветные струи трасс. Земля Севастополя, его истерзанное войной тело лежало перед взором капитан-лейтенанта. Кочиев смотрел, не отрываясь. Высокие чувства охватили сердца моряков, когда катера пришли на траверз Херсонесского маяка.

Несколько дней назад Константин Кочиев, матросы и старшины его отряда были у кавказских берегов. Кочиев болел. Катера стояли после долгих и трудных операций в Керченском проливе на ремонте. Кочиев мучился и своей болезнью и мыслью, что в Севастополь он придет позже всех. Подавленное состояние было и у всего состава отряда. Кочиев не лег в госпиталь. Больной, он каждый день приходил на берег, где ремонтировались катера, и глухим голосом торопил: «скорее! Надо поспеть в Севастополь!»

Ремонт был закончен намного раньше срока.

21 апреля Кочиев пришел со своими катерами в Крым. Три раза он пытался пробиться к Севастополю, но штормы не пускали его дальше Сарыча.

И вот теперь, в четвертый раз, он привел свой отряд к родным берегам.

Тусклый свет луны лакировал море. Белесая полоска близящегося рассвета пеленала горизонт, а каравана все не было. Он должен был итти из Констанцы в Севастополь. По расчетам, ему следовало появиться на траверзе Херсонесского маяка в два часа. Кочиев вынул часы — четверть третьего — на горизонте чисто. 2.30 — тоже чисто. 2.45 — без перемен.

Еще проходят мучительно долгие десять минут. Злоба охватывает Кочиева. Неужели и теперь, когда вот, совсем рядом перед взором его расстилается родная севастопольская земля, он вернется без победы?

Но воинское счастье еще не изменяло Кочиеву и морякам его отряда. 6 немецких барж, торпедный катер, подводная лодка и мессершмитт пущены им на дно Черного моря. Это он и его матросы ворвались в Ялту и разнесли в куски итальянскую подлодку, немецкую баржу и катер. Делом его рук был налет на Двукорную бухту, где он разбил две баржи противника.

Кочиев смотрит, не отрываясь, на севастопольскую землю. Стрелка часов приближается к трем.

— Вижу дым под берегом, — докладывает боцман.

Кочиев прикладывает бинокль к глазам и разглядывает три силуэта.

— Полный газ! В атаку! — кричит он в радиотелефон.

Взревели моторы, и катера ринулись в атаку. Каждый знал свое место.

Немецкий караван шел строем кильватера. Катера, которыми командовали старшие лейтенанты Леонид Келин, Виктор Сухоруков, Виталий Харитонов и лейтенант Василий Белобородов, строем фронта понеслись на сближение.

Белобородов атаковал и потопил головной транспорт водоизмещением в 2.000 тонн, Виктор Сухоруков утопил средний в 3.000 тонн, а Келин разнес в щепы концевой транспорт в 2.000 тонн. На долю Харитонова не досталось транспорта, и он утопил быстроходную десантную баржу.

Операция прошла блестяще. Отряд Кочиева не имел ни одной потери, а фашистский караван состоял из 5 транспортов, 3 тральщиков, двух десантных барж и четырех сторожевых катеров. Все они во время атаки вели по нашим катерам ожесточенный огонь.

Под дымовой завесой, поставленной Белобородовым, катера отошли.

Весь путь от Севастополя до базы улыбка не сходила с усталого лица Кочиева. А на траверзе Херсонесского маяка по волнам плыли обломки фашистских судов и раздутые трупы немцев. Ветер гнал их на запад.

Это было десять дней назад.

П. Сажин

Железная дорога восстанавливается

Полным ходом идет восстановление железнодорожной линии. Насыпается плотно, расчищаются пути.

Железнодорожная станция забита составами. Их надо убрать. Для этих работ отремонтирован кран. В этой работе деятельное участие

принимал начальник восстановительного поезда тов. Бутенко и механик Терещенко. Они ввели кран в действие. На расчистке путей и восстановлении дороги работают десятки железнодорожников и членов их семей. Большую помощь ока-

зывают им бойцы железнодорожного подразделения.

Ввод железнодорожной магистрали Севастополь — Симферополь задерживает взорванный немцами Камышовский мост и несколько туннелей. На их восстановление работают специальные железнодорожные бригады.

Севастопольцы о фрицах

Земля и солнце

Я и пять моих подруг 10 мая впервые за последние семнадцать дней увидели солнце.

Последнее время, чуя свою гибель, немцы особенно зверствовали в городе. На нас, девушках, это сказывалось сильнее всего. Фрицы увозили девчат из дома, глумились над ними, а молодых и красивых увозили в Германию, в рабство.

Последний месяц был настоящей каторгой.

Боясь попасться на глаза немцам, и чтобы не быть увезенной на чужую, ненавистную нам землю, я и мои пять подруг решили жить в, выкопанной нам матерью яме. Яму забросали землей, а в щель, идущую от стены хаты, нам подавали пищу.

Только ночью мы вылезали на воздух. Это были для нас самые счастливые минуты жизни.

Как мы тогда ждали Красную Армию!

И вот наконец-то наши войска пришли. Я не могу выразить свои чувства на бумаге, высказать то, что творилось в моем сердце. Скажу только одно: мне хотелось целовать каждого встретившего на пути бойца.

Наши мучения закончились. Родные бойцы зажгли над нами солнце.

Жительница Севастополя
Людмила Сафронова

ПЕРВЫЙ КИНО-СЕАНС

На экране фильм
«Два бойца»

Жители Севастополя увидели на экране первый советский фильм. В сохранившемся на улице Ленина помещении демонстрировалась картина «Два бойца». Зрители тепло восприняли волнующий рассказ о боевой дружбе и делах советских воинов.

Два года севастопольцы не видели советских картин. Интерес к ним громадный.

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 15 МАЯ

В течение 15 мая на фронтах существенных изменений не произошло.

За 14 мая наши войска подбили и уничтожили 19 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 33 самолета противника.

Бомбардировка нашей авиацией железнодорожных узлов Рава-Русская. Стрый, Двинск

В ночь на 15 мая наша авиация дальнего действия бомбардировала воинские эшелоны противника на железнодорожных узлах Рава-Русская (северо-западнее гор. Львов), Стрый (южнее гор. Львов), Двинск.

В результате бомбардировки на железнодорожном узле Рава-Русская возникло 8 пожаров, из них один пожар большого размера. В центральной части узла горело два железнодорожных эшелона. Среди пожаров наблюдением отмечено несколько сильных взрывов. Наши самолеты пушечно-пулеметным огнем обстреляли эшелоны противника, подходившие к Рава-Русская и находившиеся на перегонах и промежуточных станциях. На станции Ухнов создано 3 очага пожара, сопровождавшихся взрывами; на перегоне восточнее этой станции подожжен железнодорожный эшелон; на станции Добросин прямым попаданием бомб взорван один эшелон, разбито и подожжено несколько составов на других станциях вблизи Рава-Русская. Такой же интенсивной бомбардировке был подвергнут и железнодорожный узел Стрый. На железнодорожном узле Двинск бомбардировкой вызваны многочисленные пожары. Горели вагоны, платформы и военные склады противника. Пожары сопровождались взрывами.

Один наш самолет не вернулся на свой аэродром.

Удар авиации флота по судам противника в районе порта Киркинес

В ночь на 14 мая воздушной разведкой на севере Норвегии в районе порта Киркинес был обнаружен конвой противника в составе 16 транспортов и 25 кораблей охранения. Наша авиация бомбардировала эти суда противника. В результате удара потоплены три немецких транспорта общим водоизмещением до 19 тысяч тонн, самоходная баржа, одно вспомогательное судно и сторожевой катер. Три транспорта противника подожжены, причем один из них выбросился на берег. Кроме того нанесены повреждения двум другим транспортам и кораблям охранения.

В ФИНСКУЮ АРМИЮ ПРИЗЫВАЮТСЯ БОЛЬНЫЕ

СТОКГОЛЬМ, 15 мая. Финская газета «Суомен - социалдемократти» сообщила, что 12 мая парламентская делегация «посетила финского военного министра Вальдена и вырази-

зила ему серьезное беспокойство в связи с тем, что за последнее время в финскую армию призывают больных — страдающих туберкулезом, сердечными болезнями и т. п.»

СВЯТОЕ СЛОВО

Как ступил на Крымский полуостров,
Как прошел боец Турецкий вал,
Так с тех пор ни матери, ни сестрам,
Ни жене письма не написал.

Ничего не слышно от родного...
Жив ли он, здоров ли он в Крыму?
А ему недоставало слова,
Только слова к новому письму.

В этом слове — слава и страданье,
В этом слове гордость всех времен...
Не напрасны были ожиданья
Братьев, матерей, сестер и жен.

Пусть судьба героя не тревожит
Всех, кто вести ждал, его любя:
Он напишет! Он сегодня может
Севастопольцем назвать себя.

Александр Жаров

Севастополь, 15 мая

БОЕВОЙ ПРИВЕТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Вчера редакция газеты «Красный черноморец» получила в севастьяпольский адрес первую телеграмму. Моряки-дальневосточники из Николаевска на Амуре телеграфируют: «Шлем привет и горячие поздравления с победой морякам-черноморцам, участвовавшим в освобождении Севастополя. Безгранично рады. Гордимся вами. Ваш героизм приумножает славу Красного Флота. Обязуемся учиться сражаться и побеждать у вас, дорогие друзья черноморцы. Да здравствует город Севастополь, город матросской славы! Да здравствует наш любимый товарищ Сталин!»

Фюрер мрачен. Жизнь темна.
Фюрер требует вина.
Изабеллу и мускат
Он отведасть был бы рад.
Говорит лакей в ответ:

„Крымских вин в помине нет.
Пусть наш фюрер не обидится —
Поступленья не предвидится“